

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФРИДРИХА ГОРЕНШТЕЙНА («БЕРЛИНСКИЕ ЗАПИСКИ О ФРИДРИХЕ ГОРЕНШТЕЙНЕ» М. ПОЛЯНСКОЙ [1], «ОТКРЫТИЕ ГОРЕНШТЕЙНА» Г. НИКИФОРОВИЧА [2])

FRIEDRIKH GORENSHTEIN RETURNS

Ланин Б.А.

Заведующий лабораторией дидактики литературы ИСМО РАО, доктор филологических наук, профессор

E-mail: 99bbb@mail.ru

Lanin B.A.

Head of the Laboratory of Didactics of Literature at the Institute for Content and Methods of Education of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor.

E-mail: 99bbb@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются две новые книги о выдающемся писателе второй половины XX века Ф. Горенштейне.

Книга М. Полянской имеет мемуарную основу.

Книга Г. Никифоровича выполнена в жанре «жизнь и творчество писателя».

Annotation. Two new books on distinguished Russian writer of the 2nd half of the 20th c. are in focus. A book by Mina Polianskaya is a memoir based on her personal relations with the writer. A book by Grigorii Nikiforovich analyzes the writer's oeuvre and his life

Ключевые слова: русская литература XX века, традиции Достоевского, жанр, стиль.

Keywords: Russian literature of the 20th c., Dostoyevsky's traditions, style, genre.

Открывать Горенштейна я начал еще школьником, ничего не зная о нем, не запомнив даже имени. «Солярис» Лема никак не складывался у Тарковского. Понадобился Мастер. Люди знали: мало, кто умел доводить сценарии до совершенства лучше Горенштейна. Ему удавалось придумать эпизод, сохраняя при этом зрительскую дистанцию. Он сочинял, был внутри эпизода, переживая и переживая свои нервы, но в то же время оставался в зрительском зале, проникаясь и все же лишь развлекаясь, как и положено зрителю.

В романе о Марке Шагале есть такая сцена: мальчик вбегает в дом и начинает стремительно заглатывать еду – все, что можно проглотить. «В чем дело?» – спрашивают у него. Оказывается, только что на его глазах погромщики ограбили и сожгли человека. Мальчик хочет потолстеть, чтобы не сгореть слишком быстро...

«Солярис» Горенштейна и Тарковского меня потряс. Мыслящий Океан защищает от высокомерных исследователей, желающих облучить его жестким излучением, тем, что материализует муки их совести, возвращая в их жизнь фантомы из прошлого, их переживания, сердечные тоскливые боли, магически разрушая преграды между мертвыми и живыми. Запомнилась героиня, застежка которой оказалась декоративной: платье не существовало без нее – такой, цельной, в «том самом» платье она вспомнилась Крису, главному герою, такой и воплотил ее Мыслящий Океан.

Лишь восемь фильмов по сценариям Фридриха Горенштейна можно найти в официальной фильмографии. Сам он говорил о 22 фильмах. Попавший в столицу провинциальный бедняк-сирота – начало бродячего сюжета. Горенштейн оказался внутри сюжета. Отцу-профессору вздумалось доказывать экономическую несостоятельность колхозов. Доказал. В НКВД согласились и расстреляли без задержек. Мать знала, как нужно спасать ребенка: увезла из Киева в деревню, там называла Феликсом, а не Фридрихом, записала на свою фамилию. Потом война, нацисты, эвакуация. По дороге мать умерла, но оставшегося в одиночестве 9-летнего сына успела зарегистрировать под настоящей фамилией. Это пригодилось в эмиграции, в старости: немцы ему выплачивали пенсию.

В детдоме мальчика нашли тетки и увезли в Бердичев. Там он взлелеял писательские мечты и амбиции. Он говорил, что могила отца где-то под Магаданом, матери – где-то под Оренбургом. Он поставил памятники: отцу – роман «Место», матери – роман «Псалом».

Из самых известных фильмов Горенштейна достаточно назвать «Рабу любви» – тонкий, умный, с неповторимой Еленой Соловей в главной роли. Но до этого фильма надо было еще дожить. Детдом не забылся, не ушел в его биографию, остался в крови. Неприкаянность и голод гнали за ним по пятам и с легкостью догоняли, стоило лишь чуть расслабиться. Получить деньги за доводку сценария было важнее, чем мечтать о появлении имени в титрах. Деньги материальны, вот они, в руках, можно купить еду, заплатить за квартиру, сменить эту опостылевшую привезенную из Бердичева одежду, а новый фильм когда еще состоится... «Если ваши предки жили в Бердичеве, то это значит, что они были свободными людьми! Без гетто-комплекса маленьких местечек с их гнетущей подавляющей атмосферой, страхом перед внешней средой и внешним окружением». Пьеса «Бердичев» (1975) передала эту атмосферу, стала телеграммой из прошлого. Марк Розовский на читке в театре не справился с нервами, расплакался. Горенштейн дочитывал сам.

Были и попросту невероятные истории со сценариями. Когда настала пора уезжать из СССР, оказалось, что можно лишиться рукописей. Романы, которые писались в стол, там, в столе, и остались бы. Горенштейн никогда не был диссидентом, западные корреспонденты в Москве его не знали. Он не мог переправлять рукописи ни через них, ни через дипломатов. Выручил Андрон Кончаловский. Полянская рассказывает о договоренности между ним и Горенштейном. В 1979 г. он написал сценарий для Кончаловского, причем

тот заверял, что фильма не будет, а сценарий он продаст французам. Некоторое время спустя Горенштейн случайно включил телевизор и увидел фильм по этому сценарию – «Я послал письмо своей любви» с Симоной Синьоре в главной роли. Кончаловский высоко ценил Горенштейна, говорил, что в Берлине тот «прозябает в ожидании Нобелевской премии». В книге «Низкие истины» он так рассказывает о появлении этого сценария: «... французская продюсерша предложила мне написать сценарий по роману ирландской писательницы «Я послал письмо своей любви». Заключили контракт. Я сел писать. Сценарий мы делали с Фридрихом Горенштейном. До того я предлагал Мережку, Трунину, еще несколькими – все испугались. Сценарий, по секрету от начальства, для заграницы – страшно! Горенштейн не боялся. Для себя он все концы уже отрезал». А в другой книге, «Возвышающий обман», Кончаловский воздаст должное Маргарите Менделеевне Синдерович, благодаря которой сценарии и другие произведения Горенштейна были спасены: «Если бы не она, недосчитался бы каких-то своих произведений Фридрих Горенштейн. Она перепечатала их все на папиросной бумаге, а я в штанах вывез за границу».

«Дом с башенкой» – первая публикация Горенштейна в «Юности». 1964 год. Он не почувствовал холода, не понял, что оттепель ушла. Сначала спросили, не желает ли он подписать повесть псевдонимом. Потом – новый урок: «либеральный» «Новый мир» отверг повесть «Зима 53-го года». Мотивирующая формулировка, которую приводит в своей книге Полянская, должна войти во все учебники, ибо вскрывает существо эстетики социалистического реализма:

«О печатании повести не может быть и речи не только потому, что она непроходима. Это еще не вызывает ни симпатии, ни сочувствия к авторскому видению мира. Шахта, на которой работают вольные люди, изображена куда страшнее, чем лагеря; труд представлен как проклятие; поведение героя – чистая патология...»

Мина Полянская опекала Горенштейна в последние годы его жизни. Она не только исключительно одаренный в литературном отношении человек. Ее перу принадлежат талантливо написанные книги «Foxtrot белого рыцаря. Андрей Белый в Берлине» (2008), «Классическое вино» (1996), «Музы города» (2000), «“Брак мой тайный...” Марина Цветаева в Берлине» (2001), «Я – писатель незаконный». Записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна» (2003), «Плацкарты и контрамарки. Записки о Фридрихе Горенштейне» (2006), «Флорентийские ночи в Берлине. Цветаева, лето 1922» (2009), романы «Синдром Килиманджаро» и «Медальон Мэри Шелли» (2008).

Ученица видного литератора-методиста В.Г. Маранцмана и автора известного учебника по литературе Д.К. Мотольской, сотрудница знаменитого ленинградского экскурсионного бюро, в котором проводились – и сейчас порой проводятся – фантастические экскурсии по литературному Петербургу, основала в 1995 г. в Германии журнал «Зеркало загадок». Именно в ее журнале и публиковал свои последние эссе и статьи Фридрих Горенштейн. Это ей он признался, что оплакивает смерть своих героев как уход близких людей, когда горевал по Василию Блаженному...

Книга Полянской – исключительно ценный материал по истории русской литературы рубежа веков. Будущие исследователи творчества Горенштейна исполосуют ее и разделят на цитаты: ведь только Полянская смогла донести до нас последние годы, месяцы

и дни таинственного писателя, постаравшись не расплескать при этом ни одной фразочки, ни одного жеста, которым она была свидетелем.

Дело не только в том, что книга посвящена выдающемуся писателю, который со временем непременно займет одно из первых мест в истории русской литературы и культуры. Мине Полянской удалось показать его в диалоге – никогда толком не складывавшемся – с писательской судьбой. Категория писательской удачи не выглядит эстетической категорией. Достаточно прочесть Горенштейна внимательно, и станет ясно, что мало найдется крупных писателей, которые могли бы настолько зависеть от судьбы.

Это старая история, когда дома нет ни компьютера, ни даже печатающей машинки. Есть только чернила и хорошая немецкая бумага. Герой «Попутчиков» Феликс Забродский знает, что ему нужно, чтобы быть самим собой: «Мне для праздничного свидания моего нужна только бумага высшего качества, только первого класса. Бумага гладкая, упругая, как молодая женская кожа, с крепкими волокнами из чистого хлопка или чистого льна. Эта бумага должна обладать также всасывающими способностями, купленная по привилегии, заграничная, серверная, сделанная по старому скандинавскому рецепту, так что ею, возможно, пользовался и Кнут Гамсун, возненавидевший разум и воспевавший освобождение человеческой личности через безумие, через утонченное безумие». Медленно скрипит авторучка, заполняя отвратительным нечитабельным почерком белые листы, и вдруг – удар неведомой силы выбивает из рук писателя чернильницу! До самой смерти Горенштейн не мог понять – как могла нечистая сила вспомнить о нем, обратить на него внимание. Разгадку он находил в замысле пьесы о Гитлере, которую он решил написать в ответ на фильм Александра Сокурова «Молох». Гитлер в фильме показался ему окарикатуренным, и он решил написать иную пьесу, которая бы разоблачила весь невероятный масштаб зла. Силы зла заступились за своего любимца, решил писатель.

«Жестокий талант», – сказал критик об извечном оппоненте Горенштейна. Горенштейна не раз называли «вторым Достоевским». Его стремление довести ситуацию до последнего выбора, до исчерпывающего предела роднит двух писателей, хотя идеологически они, конечно, антиподы. Пьесу «Споры о Достоевском» – еще один драматургический шедевр, стоящий в одном ряду с пьесами «Бердичев» и «Детоубийца» (о Петре Первом) – Горенштейн написал, когда еще не был знаком с работами М. Бахтина, обострившими интерес к великому русскому писателю. По сюжету в редакции обсуждают книгу о Достоевском, но на самом деле спорят о том, какой быть России, какие люди в ней живут, и вообще как жить на этом свете. Один из персонажей пьесы утверждает: «Достоевским соблазнялись не только начинавшие жить духовной жизнью, им соблазнялись и личности, стоявшие в центре духовного творчества, ибо соблазн Достоевским есть одна из духовных болезней двадцатого века».

Самой же Мине Полянской Горенштейн говорил, что «Великий Инквизитор (из «Братьев Карамазовых») – это и есть сам Достоевский со всем его богоборчеством, верой-неверием, и весьма своеобразной любовью к человеку и ко всему человечеству в целом. <...> Не принимая в расчет отсутствия Достоевского в мире живых, писатель и обращался с ним соответственно. То есть как с живым. Однажды, после очередного недовольства (перечитывал какой-то эпизод в «Братьях Карамазовых»), он сказал, угрожающе тыча боль-

шим пальцем куда-то себе за спину (вероятно, там надлежало находиться Достоевскому): «Ишь ты! Взял избитый пошлый сюжет, нашпиговал его эстетикой, религией, доморощенной философией, и думает, что самый умный! Я ему покажу!»» [1, с. 206].

Горенштейн участвовал в создании альманаха «Метрополь», но потом жалел об этом. Впрочем, участие в этой акции ему не повредило. Ему уже ничто не могло повредить. Его никогда не печатали на родине с 1964 года. Он оглядывался на дом с башенкой в детских воспоминаниях, которые пронес через всю жизнь. На повесть «Дом с башенкой» он оглядывался всю писательскую жизнь: это была единственная советская публикация.

Написав великие романы, он дошел до невероятной акции отчаяния. Припомнить такого не могу. Он собрал свои рукописи и отнес их в КГБ с наивным, казалось бы, вопросом: почему меня не печатают? Через некоторое время его вызвали. Рукописи вернули. Капитан сказал, что все прочитал. Печатать этого нельзя. Трудно объяснить почему, но нельзя. Горенштейн нашел своего идеального читателя...

Уехать помогла немецкая стипендия. Он остался жить в Германии. Печататься было по-прежнему негде, но неожиданно его перевели на французский язык. Книга понравилась Миттерану, и знаменитый французский читатель, чьим именем сейчас названа Национальная библиотека, сразу же распознал выдающийся талант очередного российского эмигранта. Многие произведения Горенштейна вышли во Франции. Не раз приглашали его в Париж на традиционные встречи писателей.

И все же Горенштейн не добился при жизни той известности, на которую мог рассчитывать писатель столь высокого уровня. Он всем жаловался на то, что его не печатают, игнорируют, плетут против него интриги... Глубокая внутренняя работа между тем не прекращалась. Он продолжал размышлять, философствовать, появлялись образы. Он вел активную переписку, и его корреспондентами были издатели, театральные деятели, журналисты. Фрагменты некоторых писем Полянская приводит в книге. Неожиданно пришло письмо из Италии от молодой славистки Лауры Спиллани, которая исследовала его роман «Псалом». Ответ Горенштейна показывает, сколь глобальным было его мышление, как переплетались в нем эпохи, имена, мифы: «...причем тут советский человек, если корни противостояния христианства еврейству уходят в глубь веков. Но противостояние это носит политизированный, а не духовный характер. Все, что есть в христианстве творческого, тесно связано с библейской праматерью. Христос создал свое учение не для противостояния, а для развития и дополнения, но преждевременная смерть Христа передала христианство в руки великих инквизиторов, которые нуждались в мертвом, а не в живом Христовом слове. Читайте мою повесть «Притча о богатом юноше» (журнал «Дружба народов». 1994, № 7). Там соотношение между моисеевым и евангельским дано достаточно ясно» (цит. по: [1, с. 145]).

Книга М. Полянской написана великолепным профессиональным слогом. Замечания о произведениях Горенштейна меткие и четко сформулированы: «Горенштейн предостерегал от длинных названий. Чем короче название, тем лучше. «Ну, например, «Место», – говорил он, – чем плохо?»» [1, с. 82].

Есть вещи, которые можно узнать только от *этого* автора, только из *этой* книги. Где и когда воздастся Мине Полянской и ее семье за дружескую, даже родственную опеку оди-

ного стареющего писателя? Кто-нибудь знает, как меняется образ жизни, когда нужно ходить *каждый уикенд* в течение двух лет к писателю домой и на старом магнитофоне записывать надиктованные страницы? Потом фонограмма расшифровывалась, появлялся текстовый файл. Горенштейн прочитывал его, вносил правку. Затем кассета и правленая распечатка отсылались в США владельцу издательства «Слово/Word» Ларисе Шенкер. После проверки файл возвращался Горенштейну, тот вносил последнюю правку и возвращал в Америку. Это длилось два долгих года, прежде чем появился пока еще не известный в России роман «На крестцах. Хроники времен Ивана Грозного». Роман на 800 с лишним страниц вышел в двух книгах, и Л. Шенкер успела сообщить о выходе книги умирающему писателю по телефону.

Знавшая Горенштейна, пожалуй, лучше всех его современников, М. Полянская утверждает: «Разумеется, он был «писателем незаконным» и благодаря религиозным построениям, чуждым не только нынешнему христианству (в особенности же православному), но и иудаизму. Отношение его к личности Христа не многим отличалось от отношения к Христу Достоевского, сказавшего, что если бы пришлось выбирать между верой и Христом, то выбрал Христа, тем самым, отрицая его божественную суть. Горенштейн выбрал бы веру...» [1, с. 234].

Книга Г. Никифоровича «Открытие Горенштейна» – серьезный научный труд. Одна лишь библиография является очень полезным подспорьем для занимающихся творчеством Горенштейна исследователей. Живущий в Сент-Луисе (США) ученый по своей основной профессии – биофизик, кандидат физико-математических и доктор биологических наук. В Америке он работал в разных университетах, как, впрочем, и до отъезда из России. Написав полторы сотни научных статей и три монографии, Г. Никифорович не забывал о художественной литературе, печатался в журналах «Знамя», «Нева», «Вопросы литературы», в «Зарубежных записках» и в «Иерусалимском журнале», даже детективный роман «Сорвать банк в Аризоне» выпустил в 2005 г. под псевдонимом!

Никифорович умеет выстраивать книгу, знает, как писать для широкого читателя. Еще в давнее советское время он публиковал в издательстве «Молодая гвардия» научно-популярные книги. Однако легкость пера отнюдь не делает его книгу о Горенштейне легковесной. Напротив, она полна литературоведческих открытий и самых глубоких и основательных размышлений о неузнанном выдающемся писателе.

В книге 12 глав, которые охватывают весь творческий путь писателя. Неслучайно не пронумерованная «Глава последняя» называется «После жизни»: смерть завершила его земной путь, но не в ее силах оборвать путь творческий. Сейчас только и наступает время объективного рассмотрения творчества Горенштейна.

Уже в первой публикации Никифорович находит стилевую особенность, которая лишь крепла и утверждалась в дальнейшем творчестве Горенштейна: «Горенштейн, переплодываясь в своих героев, все же не отождествлял себя с ними, оставляя за автором право смотреть на них издали, а иногда и сверху. Порой это вызывало раздражение читателя: он успевал полюбить героя, сродниться с ним, но вдруг автор какой-то фразой или эпизодом снижал образ, показывал совсем другие его черты. Тогда-то и обнаруживался трагизм противоречий внутри человеческого характера – даже мальчик из «Дома

с башенкой», любимый герой, способен был, оказывается, одобрить и несправедливость, и жестокость...» [2, с. 34].

Эта внутренняя противоречивость горенштейновских героев несет в себе зародыш трагизма. Соцреалистическая эстетика требовала цельности характеров, а внутренние противоречия пыталась сглаживать. Для эстетики Горенштейна это было неприемлемо – многие его герои трагически погибают. Кроме того, как замечает Г. Никифорович, Горенштейн нарушил одну из заповедей русской реалистической литературы: изображать маленького человека несправедливо обиженным страдальцем. Маленькие люди Горенштейна порой испорченны и злобны, завистливы и бездарны, но в них есть Божья искра, способная воскресить их к добру. И все же человек в советском мире Горенштейна способен на все. Вот как мать трогательно подкармливает школьницу Сашеньку в голодное послевоенное время: «Мать левой ладонью схватила себя за согнутое, обтянутое ватными штанами колено, держа ногу на весу, а пальцами правой руки, упираясь в задник, тянула изо всех сил. Сапог упал, и из портянки посыпались на пол смерзшиеся куски пшенной каши. Мать подобрала их и сложила в заранее приготовленную тарелку. Она развернула портянку и достала тряпочку с котлетами. Было четыре котлеты: две совсем целые, подернутые хрустящей корочкой, две же были примяты ступней, и мать аккуратно сложила их на тарелку кусочек в кусочек».

Обратите внимание на пластичность описания, его зримость. Оно возшло на собственных голодных воспоминаниях писателя. Но в мире Горенштейна все случается «вдруг», как и в прозе Достоевского, любившего это слово едва ли не больше других определений времени. И *вдруг*, обозлившись на мать, Сашенька относит клеветнический донос на нее в НКВД, а, посадив мать, «воровку», сквозь слезы кричит майору: «Наплевать, – закричала Сашенька, – я не возьму назад заявление... Вот... Эта женщина родила меня, но не воспитала... А мать не та, что рождает, а наоборот... То есть кто выращивает... Знать не хочу... Мой отец за Родину... Он сражался... Отдал жизнь...». Велика злоба маленького человека. Совсем еще человечка...

В повести «Зима 53-го года» впервые появляется библейский мотив: «Писатель Горенштейн увидел труд не с официальной, оптимистической точки зрения, а с трагической – библейской. Мотив Библии как основы мироощущения, появившийся здесь впервые, будет потом пронизывать все творчество Горенштейна» [2, с. 40]. В этой повести Никифорович находит еще одно новшество: сны главного героя не просто вторгаются в действие, но и становятся его частью, частью сюжета, а это необычно для литературы 60-х гг.

Лейтенант по имени Август в повести «Искупление» узнает, что всю его семью забил кирпичом дворник-ассириец Шума ради имущества и жилья. Месть снится Августу часто, но он отгоняет эти мысли. Ему снятся дети Шумы, которых он убивает, но возмездие совершается лишь в его снах-кошмарах.

Русский писатель Горенштейн никогда не забывал, что он еврей. Если есть главный герой его прозы, то это Дан-Антихрист из выдающегося романа «Псалом». Для писателя этот герой был родным братом Иисуса, только Иисус был заступником тех, кто преступил, а Дан заступает за их жертв.

Как религиозный философ, Горенштейн одновременно глубок и противоречив: «Верующий иудей, совершая зло, знает, что он идет против Бога. Верующий христианин, совершая зло, сохраняет гармонию души, сохраняет через церковное покаяние свои отношения с Богом, ибо непротivление злу давно подменено покаянием о содеянном грехе» («Притча о богатом юноше»). Связь между Ветхим и Новым заветами у Горенштейна неразрывна.

В романе «Псалом» он обращает внимание на реплику пророка Иеремии, которая легла много позже в основу христианского непротivления: «Путь непротivления злу перед лицом сильного нечестивца возможен, однако, при одной важной оговорке, указанной у Иеремии. В принципе она звучит так: пусть нечестивец берет все, но и ты должен взять у нечестивца в качестве добычи своей душу свою... Главное – перед лицом нечестивца сохранить как добычу душу свою, ибо нечестивец душу свою рано или поздно потеряет, а любовью твоей, которой ты полюбишь его за зло его, воспользоваться не сумеет. Ты же сам ею и воспользуешься».

В повести «Шампанское с желчью» (1986) война Судного дня застает главного героя режиссера Ю. в санатории. Поначалу израильская армия несет большие потери – огромные, если принять во внимание небольшое население. Окружающие ликуют. Вдруг «вражеские голоса» передают, что произошел перелом, Сирия и Египет разбиты, и, радуясь спасению далекой страны, режиссер осознает свое одиночество: даже единственный в санатории единоверец ему неприятен.

Тема антисемитизма – одна из стержневых тем творчества Фридриха Горенштейна, и его размышления на эту тему сродни афористическому философствованию самых выдающихся мыслителей нашей эры.

Кем бы ни были евреи в художественном мире Горенштейна – попутчиками, как писатель Феликс Забродский из повести «Попутчики», неудавшимися диктаторами России, как Гоша Цвибышев из романа «Место», жертвами исторических катаклизмов – они остаются «чужаками».

Горенштейн довольно скоро понял, что социалистический реализм – сказка не для него, и начал писать свободно, раскрепощенно, смело: все равно ведь не напечатают. Это как раз та храбрость, о которой упоминал Кончаловский.

Г. Никифорович прав, когда говорит, что литература – это не только мысли, образы, сюжеты. Это еще и взаимоотношения между литераторами. У Горенштейна они складывались не очень-то здорово. В журнале М. Полянской «Зеркало загадок» Горенштейн опубликовал три эссе, в которых по-своему расквитался со своими преследователями и завистниками: «Товарищу Маца – литературоведу и человеку, а также его потомкам» (1997), «Сто значит? Кладбищенские размышления» (1998) и «Как я был шпионом ЦРУ» (2000–2002).

Так каким же запомнился Горенштейн? Чей «перст указующий» руководит читателями его романов, пьес, эссе, публицистики? «Все отмечают, прежде всего, его «отдельность» – гордость, независимость, нежелание подчиняться общепринятым стандартам тогдашней литературной тусовки. Провинциал с местечковыми корнями, попав в вожделенную Москву, оазис культуры и просвещения, должен был бы стараться поскорее перенять столичные манеры – но Фридрих и не думал их усваивать. Его сосредоточенность

в себе, нежелание принимать участие в междусобойчиках на сценарных курсах (да и невозможность – денег-то и на жизнь не хватало), настроенность на серьезную работу – все это вызывало снисходительные насмешки» [2, с. 57].

Из-за насмешек он переживал, но пережил. Его убили не зависть, не старческое одиночество, а изнурительная мучительная болезнь. Творческий путь Горенштейна продолжается. Защищаются диссертации, появляются новые замечательные книги о писателе. Затянувшееся открытие Горенштейна совершается на наших глазах.

Список литературы:

1. Полянская, М. Берлинские записки о Фридрихе Горенштейне / М. Полянская. – СПб.: Деметра, 2011.
 2. Никифорович, Г. Открытие Горенштейна / Г. Никифорович. – М.: Время, 2013.
-

Spisok literatury:

1. Polianskaia, M. Berlinskie zapiski o Fridrikhe Gorenshteïne / M. Polianskaia. – SPb.: Demetra, 2011.
 2. Nikiforovich, G. Otkrytie Gorenshteïna / G. Nikiforovich. – M.: Vremia, 2013.
-

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2013, № 6